

Левая утопия в XXI веке

*П.А. ОРЕХОВСКИЙ**

*** ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович** – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Философии и методологии экономической науки Института экономики РАН. Адрес: Москва, 117218, Нахимовский пр., 32. E-mail: orekhovskupa@mail.ru.

В статье представлен аналитический обзор социал-демократических и посткапиталистических концепций, интерпретирующих экономическую реальность западных стран в XXI в. Попытка ряда политологов и экономистов вернуться к государству благосостояния и кейнсианской политике, несмотря на убедительную критику неолиберализма, представляется обреченной на поражение. Вероятность реализации другого варианта этого направления – требование прогрессивного налогообложения – также вызывает сомнения. Характер связи между неравенством и экономическим ростом дискуссионен. Эгалитаризм может как замедлять, так и ускорять экономический рост. Посткапиталистические концепции представляются и более радикальными, и более оригинальными. Дискурс перехода к сетевому обществу позволяет правдоподобно интерпретировать диффузию власти, подъем предпринимательства и креативного класса. Значима и концепция “негативного суверенитета” в XXI в.: она показывает невозможность ликвидации государства с помощью военно-политических мер, предпринимаемых соседями. Негативный суверенитет также сопровождается проблемами в сборе налогов и невозможностью предоставления слабым государством социального обеспечения и других общественных благ. Радикальный вариант левой утопии, включающий борьбу за безусловный базовый доход, предполагает ликвидацию наемного труда, рост автоматизации, сведение на нет прежней трудовой этики. Такой вариант инклюзивен, охватывает широкие слои населения, однако в реальности его финансово-экономических возможностей сохраняются обоснованные сомнения.

Ключевые слова: приватизированное кейнсианство, социал-демократия, государство благосостояния, постдемократия, посткапитализм, прогрессивное налогообложение.

DOI: 10.31857/S086904990009214-7

JEL: D60, D63, E11, E12, H20.

Цитирование: Ореховский П.А. (2020) Левая утопия в XXI веке // Общественные науки и современность. № 2. С. 162–175. DOI: 10.31857/S086904990009214-7

Left Utopia in the XXI Century

Petr A. OREKHOVSKY*

*Petr A. Orekhovsky – doctor habilitatus in economics, professor, head sector of Philosophy and methodology of economic science, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: orekhovskypa@mail.ru.

Abstract. The work is an analytical review of social democratic and post-capitalist concepts that interpret the economic reality of Western countries in the XXI century. An attempt by a part of political scientists and economists to return to the welfare state and Keynesian politics, despite a convincing criticism of neoliberalism, seems doomed to failure. The likelihood of another option in this direction – the requirement of progressive taxation – is also in doubt. The nature of the relationship between inequality and economic growth is debatable. Egalitarianism can both slow down and accelerate economic growth. Post-capitalist concepts appear to be both more radical and more original. The discourse of the transition to a network society allows a plausible interpretation of the diffusion of power, the rise of entrepreneurship and the creative class. Also significant is the concept of “negative sovereignty” in the 21st century. It shows the impossibility of liquidating the state through military-political measures taken by neighbors. Negative sovereignty is also accompanied by problems in tax collection and the impossibility of providing a weak state with social security and other public goods. A radical version of left utopia, including the struggle for unconditional basic income, involves the elimination of wage labor, increased automation, and the nullification of the previous work ethic. This option is inclusive, encompassing wide stratum of the population. However, reasonable doubts remain regarding the reality of its financial and economic opportunities.

Keywords: privatized Keynesianism, social democracy, welfare state, post-democracy, post-capitalism, progressive taxation.

DOI: 10.31857/S086904990009214-7

JEL: D60, D63, E11, E12, H20.

Citation: Orekhovsky P. (2020) Left Utopia in the XXI Century. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 162–175. DOI: 10.31857/S086904990009214-7 (In Russ.)

О социализме писать сложно. Его антипод – капитализм рассматривается как нечто реально существующее, давно наблюдаемое, имеющее различные формы (рейнская модель, англосаксонская модель, периферийный капитализм и т.д.), прошедшее различные стадии эволюции, – капитализм свободного предпринимательства, фордизм (индустриальное общество), постиндустриальное общество (информационное и/или сетевое общество, финансовый капитализм). При этом быть критиком и даже противником капитализма еще не означает быть сторонником социализма – по-видимому, всем экономистам независимо от их идеологических предпочтений в ныне существующем капиталистическом обществе что-нибудь обязательно не нравится. Быть критиком капитализма – вполне уважаемо: это научная критика.

Напротив, социализм – это всегда проект будущего. Его не существует в настоящем (китайский вариант, хотя и называется социалистическим, все же таковым с теоретических позиций вряд ли можно признать), а те проекты, которые осуществлялись в прошлом, включая СССР, часто характеризуют как “гидравлическое общество” [Wittfogel 1957], азиатский способ производства с неразделенными властью-собственностью [Нуреев, Латов 2016; Плискевич 2008], административный рынок и ресурсное государство [Кордонский 2007], экономику раздатка [Бессонова 2006]. Даже у В. Ленина есть определение социализма как “государственно-капиталистической монополии, обращенной на пользу всего

народа” [Ленин с. 192]. Получается, что один из главных интерпретаторов марксизма понимал социализм как определенную форму капитализма (“обращенную на благо народа”); в этом определении, правда, непонятно, кого Ленин считал “народом”). Быть критиком социализма – заниматься тем, чего нет, это *идеологическая* критика. В лучшем случае можно стать специалистом по экономике страны, которая рассматривается как геополитический противник, – советологом.

Ф. фон Хайек давно всем объяснил, что коллективизм порождает тоталитаризм, а из социализма произрастает нацизм, так что все социалисты – враги свободы и демократии [Хайек 1992], а К. Поппер нашел врагов открытого общества в Платоне, Г.В.Ф. Гегеле и К. Марксе [Поппер 1992]. Никаких вариантов будущего, кроме неолиберального, не существует – все остальные пути ведут к рабству. Это был достойный – и, думаю, вполне симметричный – ответ марксистской телеологии, основанной на вере в объективный характер исторических законов, обуславливающих неизбежность наступления светлого общечеловеческого завтра.

Как ни странно, ни Хайек, ни Поппер, ни многие другие не переубедили экономистов, придерживающихся левых взглядов. Напротив, ими предпринимаются все новые попытки критики неолиберализма и разработки новых левых проектов. Часть из них отстоит достаточно далеко от марксизма и традиции, уповающей на передовую роль рабочего класса. В этом случае используется скорее категория “посткапитализм”, а не социализм.

Основная задача данной работы – представить беглый (и неизбежно неполный и поверхностный) обзор левой критики и левых проектов, сохранивших свое значение и популярность до настоящего времени. Очевидно, что об утопии невозможно судить в рамках показателей темпов роста ВВП, уровня зарплаты и цен, процентных ставок и валютных курсов. Оценке подлежат только убедительность используемой риторики и не замечаемые “слепые пятна”, которые неизбежно возникают при работе человеческой фантазии.

Прежде чем перейти к собственно решению поставленных задач, необходимо сделать одно методологическое замечание. Н. Срничек и А. Уильямс пишут: «Мы убеждены, что вопреки образу, укорененному в массовом сознании, неолиберализм отличается от классического либерализма тем, что отводит значительную роль государству. Так, оказывается, что главной задачей неолиберализма было получение контроля над государством и придание ему другой цели. Там, где классический либерализм выступает в защиту естественной сферы, предположительно находящейся за пределами государственного контроля... неолибералы понимают, что рынки не “естественны”. Рынки не возникают стихийно там, где государства отступают, – они должны создаваться сознательно, иногда с нуля. Например, нет естественного рынка для общих благ (вода, воздух, земля), для здравоохранения, для образования. Эти и другие рынки должны строиться из продуманного набора материальных, технических и юридических конструкторов...» [Срничек, Уильямс 2019, с. 81]. Социолог Н. Флигстин также рассматривает рынки как социальные конструкторы. Каждый рынок, по его мнению, включает в себя четыре типа правил: права собственности; структуры управления; правила обмена; концепции контроля [Флигстин 2013, с. 68].

Полагаю, что неолиберальный проект – такой же конструктивистский по своей природе, как и предлагаемые “левые” социалистические проекты. Запрет на использование контрактов о найме и переход к инвестиционным соглашениям по совместному использованию человеческого и физического капитала, в результате которого возникнет бесклассовое общество капиталистов и исчезнет рынок рабочей силы, – такое же конструктивистское мероприятие, как и введение безусловного базового дохода. В этом отношении вопрос выбора между будущим бесклассовым обществом капиталистов или будущим бесклассовым обществом трудящихся основан на личных идеологических предпочтениях исследователя, обсуждение которых не входит в задачи данной работы.

Впрочем, нельзя не отметить, что с точки зрения конструирования будущего неоллиберальный проект оказался намного более успешным, чем проекты левых¹. Это признают и сами критики неоллиберализма: “Если в наше время и существует одна гегемонная идеология, то это – неоллиберализм. По общепринятому мнению, наиболее эффективный способ производить и распределять товары и услуги – это разрешить инструментально рациональным индивидуумам совершать обмен посредством рынка. Что касается государственной регуляции и национальной промышленности, считается, что они, напротив, неэффективны, искажают картину и сдерживают производственную динамику, присущую свободному рынку. Сегодня это видение правильного функционирования экономики принимается за отправную точку и критиками и сторонниками. Неоллиберализм определяет, что реально, необходимо и возможно” [Срничек, Уильямс 2019, с. 79].

Социал-демократы: обновление традиции

Что объединяет современных социал-демократов? К. Крауч пишет: «К середине 1990-х гг. партии, которые ранее считались “левыми”, придумали ответ, который выразился в принятии многих положений неоллиберализма, совмещенного с попыткой сохранить отдельные классические левоцентристские цели – значительные расходы на общественные услуги. Считалось, что они необходимы для компенсации возросшего экономического неравенства, ставшего результатом уступок неоллиберализму. Этот процесс начался в США с “новых демократов” Билла Клинтона, распространился на Великобританию в виде “новых лейбористов”, в менее убедительном виде был заявлен в Германии как *“die neue Mitte”* (“новый центр”), а под общим брендом “третьего пути” был с большим или меньшим энтузиазмом принят демократическими партиями всей остальной Западной Европы и других стран. Многих людей эти изменения ошеломили: что же осталось от того, что они привыкли понимать под “левым”?» [Крауч 2012, с. 240–241].

По-видимому, осталось два конвенциональных признака социал-демократов – эгалитаризм и высокие государственные расходы на поддержку общественного сектора (стоит специально оговориться, что сюда не входят расходы на оборону и поддержку отдельных, включая так называемых “приоритетных”, секторов экономики). У Крауча эти признаки сливаются в один, однако их стоит все же разделить, поскольку прогрессивное налогообложение, позволяющее добиться большего равенства, само по себе представляет для многих социал-демократов ценность.

Критикуя неоллиберализм, Крауч, определяет его как “приватизированное кейнсианство: долг вместо дисциплины” [Крауч 2012, с. 152]. Он считает, что «кейнсианская модель, управлявшая экономической политикой первые тридцать лет после Второй мировой войны, представляла собой временное совпадение интересов промышленного рабочего класса Северо-Запада как глобального региона и общего интереса политико-экономической системы... массовое потребление этого класса... могло вызвать беспрецедентный для истории экономический рост. Наконец, именно этот класс формировал политические партии, профсоюзы и другие организации, а также привлекал на свою сторону многих интеллектуалов с целью оформления и продвижения своих требований. Кейнсианская модель, соединенная с массовым производством, стала тем ответом на эти требования, который примирил рабочих с капиталистической системой производства.

Противоположная группа неоллиберальных идей, вышедших на передний план в 1970-х гг. ...также опиралась на определенный класс – класс финансовых капиталистов, географически базирующийся первоначально в США и Великобритании, но распростра-

¹ В этом легко убедиться, сравнив частоты употребления таких конструктов, как “человеческий капитал” и/или “безусловный базовый доход” и/или даже “общественная собственность”.

нившийся по всему земному шару. Транснациональный характер этого класса оказался важным преимуществом...

...Если мир должен был выиграть от освобождения производительных сил и предпринимательства, которое принесет с собой распространение свободных рынков, то класс людей, занимающихся нерегулируемыми финансами, поддерживающими эти рынки, должен был получить особые прибыли...

...Ситуация осложнялась и другими моментами: кейнсианская модель сама выполняла как требование капиталистов, которым было необходимо устойчивое массовое потребление, так и стремление рабочих к стабильной жизни. В новых промышленных странах Южной Азии и Дальнего Востока это не было проблемой, поскольку экономики этих как правило недемократических стран зависели от экспорта и потребления местных богатых элит. Им не нужен был спрос среди собственного населения. Но в развитых странах это едва ли было возможно...

...два весьма различных фактора спасли неолиберальную модель от неустойчивости, которая в противном случае оказалась бы для нее роковой: это рост кредитных рынков, доступных для бедных и умеренно обеспеченных людей, и появление рынков деривативов и фьючерсов, на которых играли самые богатые. Эта комбинация породила модель “приватизированного кейнсианства”, которая, будучи поначалу случайным образованием, постепенно становилась важной составляющей государственной политики. Теперь уже не правительства брали в долг, чтобы стимулировать экономику, а индивиды и семьи, в том числе и наиболее бедные...

...Зависимость демократической капиталистической системы от роста зарплат, применяемое государством всеобщего благосостояния управление спросом, представлявшееся базой для массового потребительского доверия, – все это ушло в прошлое. Основной процветания стала уже не социал-демократическая формула рабочих классов, поддерживаемых правительственным вмешательством, а консервативная неолиберальная формула банков, бирж и финансовых рынков. Простые люди сыграли свою роль – но не как рабочие, пытающиеся улучшить свое положение через профсоюзы, принятие законов, защищающие права наемных работников, и финансируемые государством схемы страхования, а в качестве должников, участников кредитных рынков...

...Как только приватизированное кейнсианство стало общезначимой экономической моделью, оно превратилось в странное коллективное благо, пусть и основанное на действиях частных лиц. Необходимым условием для него было своеобразное поведение банков, которое следует считать безответственным, поскольку оно предполагало отказ от важных практик проверки и учета; однако миллионы людей получали выгоду, покупая реальные товары и услуги за нереальные деньги, “произведенные” банками. Таким образом, *сама эта безответственность стала коллективным благом* (курсив мой. – П.О.)» [Крауч 2012, с. 170–178].

В такой характеристике современной политико-экономической модели западных стран многое представляется справедливым. Действительно, экономический рост Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии, как и ФРГ и государств Северной Европы, реализовывался в рамках экспортно-ориентированной модели, где домохозяйства США и Великобритании увеличивали свою задолженность. Стоит отметить, что такая же ситуация складывалась и внутри Европейского союза после введения евро – ситуация в Греции, Испании, Португалии и Италии – тому хороший пример (см. например, [Саррацин 2015]).

На безответственность банков и “приватизированное кейнсианство” указывают многие левые критики, например нобелевские лауреаты Дж. Стиглиц и П. Кругман [Стиглиц 2011; Стиглиц 2016; Кругман 2009]. Будущее в таком случае выглядит безрадостно – повторение финансового кризиса 2008–2009 гг. становится неизбежным, вместе с банкротством массы домохозяйств и нарастанием социальной напряженности. Заодно наступит и кризис сложившейся мировой структуры разделения труда с замедлением темпов мирового роста.

И это тоже выглядит вполне правдоподобно (тут нельзя не отметить, что к аналогичному выводу приходят и сторонники мир-системного анализа во главе с И. Валлерстайном).

Отсюда следует *в целом* относительно простая рекомендация: нужно вернуть управленческие спросом под государственный контроль, для чего левые должны получить политическую власть. Однако это кажется слишком простым. Если управление спросом было так эффективно, почему же левые потеряли власть еще в конце 1970-х? Да и позднее, когда к власти приходили “новые левые”, о которых пишет Крауч, почему так и не произошло обратной “национализации кейнсианства”?

Кругман придерживается, по сути, “теории заговора” [Кругман 2004]. Мнение об исторической случайности, сыгравшей решающую роль в победе “правых”, поддерживает и видный историк неоллиберализма Д. Стедмен-Джоунз: «А ведь все могло сложиться по-другому. Лидеры Лейбористской и Демократической партий в 1960–1970-х годах первыми начали применять ключевые неоллиберальные идеи. Президент Джимми Картер, глава Федерального резерва Пол Волкер, министр финансов Денис Хили и премьер-министр Джеймс Каллаган в 1970-х годах переходили к другому роду макроэкономического управления. Их правительства выступали в поддержку различных форм дерегулирования. А эксперименты с привлечением частного сектора к участию в обеспечении жильем и городской реконструкции начались даже раньше, в 1960-х годах (в частности, в США при Кеннеди и Джонсоне). При других обстоятельствах лейбористы и демократы вполне могли бы вновь победить в конце 1970-х годов. Если бы Лейбористская партия вошла в 1980-е годы под руководством умеренного Дениса Хили или если бы не случилась Фолклендская война, лейбористы, возможно, получили бы поддержку избирателей на фоне глубокой рецессии, которую породила экономическая стратегия консерваторов. И если бы второй нефтяной шок не случился перед иранским кризисом с заложниками, Джимми Картера, наверное, не стали бы несправедливо обвинять за “болезненное состояние” страны. Главные роли сыграли везение и историческая случайность» [Стедмен-Джоунз 2017, с. 406].

Таким образом, левые могли сохранить власть, но “элементы неоллиберализма” все равно были бы включены в экономическую политику. Как указывает Стедмен-Джоунз: “Картер поставил в повестку дня экономическое дерегулирование в сфере авиаперевозок, автоперевозок и некоторых сегментах сектора финансовых услуг” [Стедмен-Джоунз 2017, с. 310]. В дальнейшем и в Великобритании, и в США уже наблюдался определенный поворот к монетаризму и усилению контроля за денежной массой. Поэтому даже в благоприятных для левых политических условиях вернуться к прежней политике “точной настройки” было бы невозможно. Несмотря на ностальгию левых по “золотым временам” экономического роста, повторение политико-экономических лозунгов 1960-х в XXI в. обречено на провал.

Как ни странно, это понимает и сам Крауч. В своей небольшой работе “Постдемократия” он констатирует смещение власти от государства к транснациональным корпорациям, которые становятся главными политико-экономическими акторами современности. “Если экстраполировать тенденции последнего времени, то в качестве классической партии XXI века можно назвать организацию, состоящую из самовоспроизводящейся элиты, далекой от массовых движений, которые служат для нее базой, и в то же время уютно устроившейся среди нескольких корпораций, которые, в свою очередь, финансируют выдачу подрядов на проведение опросов общественного мнения, услуги политических советников и труды по привлечению избирателей в обмен на обещание партии в случае ее прихода к власти щедро вознаградить компании, стремящиеся к политическому влиянию” [Крауч 2010, с. 98].

То же самое происходит и с прежними социальными классами – современному гражданину трудно идентифицировать себя (и свои интересы) с какой-либо социальной группой, что, в свою очередь, подвергает сомнению наличие прежнего “классового сознания”. Характерно для дискурса постдемократии то, что «налицо [имеется] несомненная трудность идентификации того или иного класса в качестве четко определенной социаль-

ной группы, если не брать в расчет все более самоуверенный класс акционеров и “руководителей”» [Крауч 2010, с. 74]. Возникновение “классового сознания” у руководителей, как правило, находящихся в остро конкурентных, а то и во враждебных отношениях, Крауча не интересует, хотя последнее определенно играет немалую роль в становлении режима “постдемократии”.

Впоследствии Крауч все же приходит к традиционным социал-демократическим лозунгам. Несмотря на то, что “сегодня мы все отчасти неоллибералы”, это, видимо, не мешает возвращению к нормальному “капитализму и государству всеобщего благосостояния” [Крауч 2016]. Прежние сомнения в “постдемократии” должны уступить “напористой социал-демократии”. Это – обычное слепое пятно в рассуждениях экономистов и социологов левой ориентации. Нарратив “приватизированного кейнсианства”, объясняющего не только успех неоллиберальной политики, обеспечившей не только длительный экономический рост, но и финансовую нестабильность после 2008 г., и замедление мирового экономического развития, выглядит весьма убедительно в качестве интерпретативной модели. Однако он же задает риторические рамки нормативного заключения: если приватизация была плохой, значит она должна быть заменена национализацией, что позволит вернуться к “золотому прошлому”.

Эта стратегия левых представляется провальной как политически, так и экономически. Политически она не может быть реализована в условиях постдемократии. Экономически возврат к “государству благосостояния” потребует наращивания государственных расходов, что резко увеличит финансовую нестабильность как внутри отдельных экономик, так и в Европейском союзе или в зоне свободной торговли Северной Америки. И нельзя сказать, что социал-демократы этого не понимают. Но сама структура критики неоллиберализма формирует и видение будущего. Как уже отмечалось, даже в случае своей победы “новые левые” будут продолжать прежнюю неоллиберальную политику, только с некоторыми корректировками.

Другой вариант левого эгалитаризма, как уже отмечалось выше, связан не с наращиванием государственных расходов, но с увеличением тяжести шкалы прогрессивного налогообложения. Наиболее убедительный нарратив в этом отношении представлен в [Пикетти 2016]. Критика современного капитализма в его работе основана на достаточно простых и интуитивно понятных широкой публике аргументах. Если все виды доходов, получаемых жителями богатых западных стран, разделить, как это делалось еще в известной макроэкономической производственной функции Кобба-Дугласа, на два типа – доходы труда и доходы капитала, то (при определенных посылах) доля доходов труда станет снижаться, а доля доходов капитала – увеличиваться (при других посылках – наоборот). Так, если норма доходности капитала выше, чем темпы прироста ВВП, то доля доходов капитала будет расти, а доля доходов труда – снижаться. К дополнительным условиям относятся низкие темпы роста населения (иначе доля вовлекаемого труда будет расти, и доля труда в ВВП увеличится), а также стабильная норма накопления (снижение нормы будет уменьшать объем капитала, он начнет постепенно выбывать вследствие износа, доля труда возрастет; повышение нормы накопления приведет к обратным результатам).

В 1930-е–1970-е гг. в экономиках развитых стран, по мнению Т. Пикетти, действовали другие факторы, и доля доходов труда росла, а доля доходов капитала снижалась. Этот период был, скорее, исключением – на протяжении почти всего XIX в. доля доходов капитала сохранялась относительно стабильной, и карьера наемного работника, который по мере роста квалификации и компетенции превратился бы в капиталиста-предпринимателя, была редкостью. Уже в 1980-е гг. доля доходов капитала в ВВП снова начинает расти, и во втором десятилетии XXI в. структура доходов населения развитых стран возвращается к той, что была два века назад.

Впрочем, сами по себе сравнительно высокая доля доходов капитала и относительно низкая доля труда еще не противоречат требованиям эгалитаризма – наемные работни-

ки тоже могут иметь ценные бумаги и недвижимость, получать доходы от собственности; а “рантье” одновременно могут заниматься предпринимательством. Предпринимательский доход в таком случае относится к доходам труда (в том числе – самозанятость, фермерство и т.д.). Поэтому Пикетти вводит дополнительное правдоподобное допущение о возможности концентрации капитала в руках относительно немногих собственников. Вообще говоря, доходы от предпринимательства, гонорары людей свободных профессий, включая спортсменов и актеров, также имеют тенденцию к концентрации. Но это не опровергает основной вывод анализа Пикетти – социальная дифференциация, основанная на дифференциации доходов, при соблюдении указанных выше условий, будет увеличиваться. Другими словами, если оговорки относительно низких темпов роста населения, нормы накопления и доходности капитала, превышающие темпы экономического роста, будут наблюдаться в действительности, то все большее количество доходов и богатства окажется в руках немногих.

Выводы Пикетти выглядят вполне правдоподобно: как уже говорилось, высокие темпы экономического роста США и европейских стран, наблюдавшиеся во второй половине XIX и весь XX в., – своеобразная аномалия, которая постепенно изживает себя. Большую часть второго тысячелетия Западная Европа характеризовалась экономическим ростом в 0,5–1% в год или меньше, в XXI в. происходит новое замедление [Мэддисон 2012]. Поэтому Пикетти приходит к выводу о необходимости увеличения прогрессивного налогообложения, нужного для сохранения среднего класса западного общества, что в условиях гегемонии неолиберализма выглядит довольно-таки скандально. Однако на самом деле это всего лишь повторение старых социал-демократических лозунгов. По большому счету, новое у Пикетти – лишь распространение требования прогрессивного налогообложения на *все страны ОЭСР*, причем одновременно с *унификацией* налоговых систем.

В свою очередь, критика работы Пикетти свелась к двум позициям. Во-первых, оспаривались его статистические выкладки. Действительно, в статистике богатства, стоимости и доходности капитала в XIX и в первой половине XX в. по разным странам есть существенные пробелы, хотя мне не встречались работы, в которых бы предлагалась убедительная альтернатива. К тому же основной пафос работы Пикетти относится к его оценкам капитала именно в XXI в. Во-вторых, Д. Макклоски в своей разгромной рецензии доказывает, что Пикетти не учитывает рост человеческого капитала, а потому и говорить не о чем: «“Пролетарии всех стран, соединяйтесь”: требуйте прогресса, проходящего проверку рынком в условиях режима частной собственности и производства прибыли. А еще лучше – сами становитесь буржуа, как это сделали большие группы рабочих в богатых странах, доля которых в США приближается к 100%, если определять ее по самоидентификации людей, относящих себя к среднему классу... Если рабочие оказались “обмануты”, принимая Буржуазную сделку, то тогда давайте встретим двукратным с половиной “ура” такой способ быть обманутыми – половинку “ура” вычтем в счет того, что в принципе недостойно быть чем-то “обманутым”» [Макклоски 2016, с. 182]. Другими словами, поскольку в США и других западных странах все работники обладают человеческим капиталом, постольку там уже давно построено бесклассовое общество капиталистов. И вся книжка Пикетти – чушь собачья.

Обсуждать эту критику, как и категорию “человеческого капитала”, по-моему, бессмысленно. Как в России, так и во всем мире сохраняются контракты о найме, а работники получают зарплату. Если бы неолибералы действительно строили бесклассовое капиталистическое общество, им следовало бы добиться запрета на наемный труд и перейти к инвестиционным договорам или договорам аренды человеческого капитала, а не пытаться объяснять, что поврежденная зарплата и процент (с человеческого капитала) представляют собой одно и то же. Похожая ситуация и с самоидентификацией людей, относящих себя к “среднему классу”: если для Макклоски это буржуа, то для Крауча нынешний средний класс – люди, потерявшие знание о своем месте в социальной структуре общества.

Говоря об эгалитаризме левых, необходимо также отметить работу Э. Аткинсона [Аткинсон 2018]. Он рассматривает неравенство в более традиционном ключе (неравенство

в доходах и богатстве само по себе не означает *такого же* неравенства в потреблении), не сводя все к двухфакторной модели. В борьбе с неравенством он предлагает 15 мероприятий, включая и технологическую политику, поощряющую творчество работников, и политику в сфере конкуренции, и участие работников в прибылях, и всеобщее социальное обеспечение (“детский доход”), и, конечно же, прогрессивное налогообложение, и т.д. Это опять-таки возвращает нас к пафосу государства всеобщего благосостояния. Можно согласиться с тем, что осуществление данных мероприятий приведет к снижению неравенства. Но как это скажется на финансовом состоянии национальной экономики, а также на темпах экономического роста – вопрос открытый.

Отмечу также основную, по моему мнению, проблему, которая не позволяет достичь консенсуса по вопросу о неравенстве. Классическое кейнсианство исходит из того, что относительное равенство позволяет стимулировать спрос (у бедных и средних – выше предельная склонность к потреблению, чем у богатых), а это способствует росту; напротив, увеличение неравенства приводит к стагнации спроса и замедлению роста. В свою очередь, неолиберализм и “приватизированное кейнсианство” предполагают, что неравенство или способствует росту, или, как минимум, с ним никак не связано. Например, в относительно недавней работе Н. Больца доказывается, что неравенство – основа процветания и рост неравенства лежит в основе социальной гармонии [Больц 2019]. Недавний исторический опыт 1950 – 1970 гг. и 1985 – 2007 гг. демонстрирует противоречивые результаты. Договориться не получится.

Посткапитализм: радикальный вариант

Если социал-демократический дискурс представляет собой что-то относительно единое (по умолчанию предполагается, что авторы, разделяющие этот дискурс, выражают интересы бедных и среднего класса, предлагая избирателям кейнсианскую экономическую политику), то посткапиталистские дискурсы намного разнообразнее. В основании посткапиталистической критики существующих политико-экономических режимов находятся различные (и разнородные) феномены – от сдвигов в социальной структуре до перехода к цифровой экономике. По-видимому, будущее за одним из этих новых дискурсов. Но сейчас невозможно предсказать, какой из них станет авторитетным и сместит традиционный социал-демократический способ критики и выработки общего проекта. Остановимся на краткой характеристике двух типов таких посткапиталистических дискурсов – первый связан со становлением сетевого общества и “диффузией власти”, второй – с проектом отмены наемного труда и введением безусловного дохода.

Новый дух капитализма, креативный класс и диффузия власти. “Новый дух капитализма” – совместная работа Л. Болтански и Э. Кьяпелло [Болтански, Кьяпелло 2011]. Они противопоставляют “сетевое общество” XXI в. капитализму “свободной конкуренции” (XIX в. – вплоть до начала Первой мировой войны) и “фордизму” (1920-е–1980-е гг.). Легко заметить, что “новый дух” появляется вместе с победой неолиберализма, однако в работе Болтански и Кьяпелло практически не уделяется внимания “приватизированному кейнсианству”, как и макроэкономической политике в целом. Их внимание сосредоточено на микроуровне и институтах.

Соавторы показывают, что на место прежней “фирмы” – юридического лица, обладающего обособленным имуществом (активами и пассивами, отражаемыми в балансе), ведущего коммерческую деятельность, направленную на извлечение прибыли, приходит “проект”. Фирма может существовать вечно – проект обязательно имеет начало и конец. У фирмы есть свои организационные границы, она обладает правами собственности – вместо этого у проекта есть координаторы (Болтански и Кьяпелло называют их модераторами), права собственности “размыты”. Фирма обладает иерархией и функционирует

в рыночной среде. Проекты имеют сетевую структуру, в них выделяется центр и периферия, и они осуществляются в сетевой среде. Проекты с “открытой архитектурой”, в принципе, допускают неограниченное количество участников.

Между центром (ядром) проекта, где оперируют координаторы, и периферийными участниками осуществляются как рыночные, так и нерыночные трансакции, но в любом случае “центр” эксплуатирует “периферию”. Другими словами, между “модераторами” и периферийными участниками имеет место неэквивалентный обмен. Основан он, по мнению Болтански и Кьяпелло, на разнице в мобильности. Координаторы в центре высокоомобильны, включены во множество коммуникаций; периферийные участники “привязаны к своему месту” в сети (иммобильны). Ситуация, когда субъект оказывается исключен из коммуникации, может привести и к его “социальному исчезновению”, он может стать “прекариатом” [Стэндинг 2014].

Модераторы могут как создавать, так и не создавать юридические лица – это вопрос целей и средств, с помощью которых осуществляется проект. Например, если его цель – создание атмосферы ажиотажа вокруг какого-либо нового продукта и/или услуги, модераторы используют обычную контрактную систему. Тут, с одной стороны, очевидно, что целый ряд условий, предъявляемых в таком случае участникам проекта, носит неформальный характер. Но с другой стороны, если транснациональная корпорация прибегает к аутсорсингу, то используются обычные контракты, заключаемые между юридическими лицами.

Переход к проектам, реализуемым в сетевой среде, резко ослабляет позиции профсоюзов, а заодно повышает ценность информации. Предприниматели и фирмы, работающие на аутсорсинге, вынуждены быть гибкими; уровень загрузки их мощностей может изменяться от нуля до сверхурочной работы. Здесь не остается места для традиционных социальных гарантий. На периферию, где осуществляется производство и находятся специализированные активы (в том числе – пресловутый “человеческий капитал”), выносятся все риски. При этом в отсутствие альтернативы периферийные участники проекта вынуждены соглашаться на цены, предлагаемые центром (проблема иммобильности). Напротив, модераторы, находящиеся в центре, часто включены сразу в несколько проектов и могут манипулировать доступной им информацией и ресурсами.

Таким образом, все зависит от положения в сети. Малая фирма (или отдельный предприниматель), находящаяся в центре, может иметь глобальный рынок сбыта. Напротив, периферийная фирма, вне зависимости от размера, работает на локальном рынке и полностью зависит от тех условий, которые ей предлагают глобальные игроки. Размер фирмы, рассматриваемый сам по себе, в “новом капитализме” перестает иметь решающее значение.

Ситуация, когда включенность индивида в социальные коммуникации, его возможность организовывать различные “команды” и реализовывать свои идеи оказывается важнее, чем индустриальное производство, привела к возникновению “креативного класса”. Р. Флорида, характеризуя этих новых людей современности, специально оговаривает то обстоятельство, что они не являются членами иерархии, будь то менеджеры или работники по найму [Флорида 2011]. Раньше таких индивидов называли людьми “свободных профессий”. Наверное, по уровню доходов их можно отнести к “среднему классу”. В то же время их нельзя назвать ни менеджерами, ни “высококвалифицированными работниками”. Это скорее “предприниматели”, отличающиеся большим разнообразием стандартов как в характере работы, так и потребительских предпочтений. Они создают проекты и извлекают доход. Можно ли назвать их капиталистами? Вряд ли – как правило, они не владеют фирмами, хотя могут обладать достаточно большим личным имуществом. Сети, в которые они включены, с одной стороны, обладают определенной архитектурой, что позволяет говорить об иерархии, но с другой – участники проектов, как правило, связаны горизонтальными отношениями взаимной заинтересованности, здесь редко

встречаются пары “начальник – подчиненный”. Это уже больше похоже на рынок. Другими словами, в сетевом обществе наблюдается *диффузия власти*.

То же самое, как показывает М. Наим, характерно и для *политики*: “С 1940-х годов число независимых государств выросло в четыре раза. Более того, теперь они соперничают, враждуют или сотрудничают не только друг с другом, но и со всевозможными транснациональными и негосударственными организациями. Появлению Южного Судана (а это произошло в 2011 году)... активно способствовали десятки неправительственных организаций, в особенности группы евангельских христиан, такие как “Мошна самаритянина” под руководством Ф. Грэма...”

Если государство в наши дни вступает в войну, то военная мощь играет куда меньшую роль, нежели раньше... Согласно исследованию, проведенному учеными Гарвардского университета, в асимметричных войнах с 1800 по 1849 год слабая (в плане численности войск и вооружения) сторона достигала стратегических целей в 12% случаев. В тех же войнах, которые происходили в период между 1950 и 1998 годами, слабые побеждали чаще – в 55% случаев” [Наим 2016, с. 21–22].

Вплоть до второй половины XX в. формула Ч. Тилли “война породила государства, государства породили войну” оставалась справедливой. Однако уже к концу XX в. фактически возник запрет на ликвидацию государств через военно-политические мероприятия. Слабеющие государства, не способные обеспечить безопасность и минимальный уровень социальных услуг своим гражданам, часто называют “неудавшимися государствами”, “квазигосударствами”. Они имеют так называемый “негативный суверенитет” – свободу от поглощения другими государствами [Силаев, Болгова 2019, с. 133–154]. Тем не менее у них нет “позитивного суверенитета” – и в этом случае разговоры о каком-либо “государстве благосостояния” бессмысленны.

Дискурс “сетевого общества”, строго говоря, нельзя назвать критикой неолиберализма. В его рамках дается правдоподобная интерпретация процесса распада старых структур, роста социальной дифференциации, отступления государства. Это – критика сложившегося состояния дел. В то же время, если принять ее основные посылы, то следствием будет вывод, что неолиберальная политика хоть как-то способствует экономическому росту, в то время как возврат к традиционному кейнсианству просто неадекватен описываемой реальности.

Конец работы. “Конец работы” – небольшая популярная книжка Т. Пирсона о том, что традиционные факторы производства, такие как земля, капитал, рабочая сила и даже знания, в наше время оказываются в избытке. Сравнительно редок сейчас четвертый фактор – предпринимательство: “количество выпускников колледжей во всем мире выросло от 90 млн до 130 млн за период с 2000 по 2010 г. Нам потребовалась вся человеческая история, чтобы добраться до 90 млн, а затем только десять лет, чтобы добавить еще 40 млн...”

...Более половины недавних выпускников американских колледжей являются безработными или выполняют работу, которая не требует наличия степени бакалавра. В 2014 г. общий уровень занятости выпускников юридических колледжей падал шестой год подряд. Это означает, что знания уже не являются тем дефицитным ресурсом, каким они были сто лет назад.

Тем не менее кренденциализм, система измерения ценности знаний, продолжает резко расти. Количество выпускников колледжей неуклонно увеличивается с 1940-х гг. и не показывает признаков замедления.

Вот мысленный эксперимент. Посмотрите на свое местное сообщество и спросите себя: что из этого будет создавать больше роста?

В десять раз больше капитала? Никогда капитал не был столь легкодоступным, как в наши дни.

Что означает примерно в десять раз больше знаний – в виде выпускников колледжа, или юристов, или врачей, или обладателей МВА? Будет ли это создавать рост? Сейчас мы находимся в середине этого эксперимента, и, похоже, он не окупается.

Что, если в примерно десять раз вырастет предпринимательство?” [Пирсон 2019, с.69–70].

Пирсон не задается вопросом, увеличится ли занятость при десятикратно выросшем предпринимательстве. Это не входит в круг задач его книги. Срничек и Уильямс, используя схожий ход анализа, приходят к выводу о неизбежном кризисе наемного труда:

“1. Прекаризация рабочего класса развитых экономик будет интенсифицироваться из-за того, что рабочая сила пополнится избыточным населением (благодаря как глобализации, так и автоматизации).

2. Восстановление экономики без рабочих мест будет углубляться и растягиваться, в первую очередь нанося ущерб тем, чьи профессии могут подвергнуться автоматизации...

5. Превращение высшего образования в производственную подготовку будет ускорено в отчаянных попытках увеличить предложение высококвалифицированной рабочей силы.

6. Экономический рост останется медленным, что сделает маловероятным появление новых рабочих мест на замену ликвидируемых...” [Срничек, Уильямс 2019, с. 151–152].

Естественно, эти выводы оспариваются многими экономистами. Вроде бы и в США создаются новые рабочие места, и Европейский союз привлекает мигрантов для заполнения низкостатусных рабочих мест. Но Срничек и Уильямс говорят о длительной перспективе, приводя в пример стратегию неолиберализма: в 1940-х–1950-х гг., когда формировалась неолиберальная повестка, кейнсианство находилось в самом расцвете.

Предположим, что они правы, и “избыточное население” по Марксу будет увеличиваться. Какой выход они предлагают?

“Левые XXI столетия должны поставить перед собой задачу лишить труд его перво-степенного значения. В конечном итоге перед нами стоит выбор: воспевать труд и рабочий класс – или избавиться от обоих... подлинно посткапиталистической позицией является вторая... для этого потребуется выполнить четыре базовых требования:

Полная автоматизация.

Сокращение рабочей недели.

Обеспечение базового дохода.

Сведение на нет трудовой этики.

...Это не обычная маргинальная реформа, а абсолютно новая гегемонная конструкция для борьбы с неолиберальной и социал-демократической повесткой... Традиционный боевой клич левых, требующих полной занятости, должен смениться на боевой клич, требующий полной незанятости” [Срничек, Уильямс 2019, с. 183–184].

Предлагаемая Срничеком и Уильямсом стратегия по-настоящему радикальна. В этом отношении она выгодно отличается от традиционной повестки левых. И в то же время эта стратегия парадоксальным образом смыкается с традицией в одном пункте: а будет ли способна нынешняя постдемократия собрать достаточное количество налогов для реализации предлагаемых мер? Не требуется ли ввести сюда дополнительный пятый пункт о всеобщем прогрессивном налогообложении с плавающей ставкой, которая будет меняться в зависимости от пересматриваемого каждый год уровня базового дохода?

Хотя, конечно, на фоне того, что будущее общество в принципе будет избавлено от бремени наемного труда, внимание к финансовым деталям выглядит крохоборством. Собственно, как всегда у левых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аткинсон Э. (2018) Неравенство: как с ним быть? М.: ИД “Дело” РАНХиГС.
Бессонова О.Э. (2006) Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН.
Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение.
Болыч Н. (2019) Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М.: ИД ВШЭ.

- Кордонский С.Г. (2007) Ресурсное государство. М.: REGNUM.
- Крауч К. (2016) Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: ИД ВШЭ.
- Крауч К. (2010) Постдемократия. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Крауч К. (2012) Странная не-смерть неолиберализма. М.: ИД “Дело” РАНХиГС.
- Кругман П. (2004) Великая ложь. Сбиваясь с пути на рубеже нового века. М.: АСТ.
- Кругман П. (2009) Кредо либерала. М.: Европа.
- Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 150–199.
- Макклоски Д. (2016) Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм (О книге “Капитал в XXI веке” Томаса Пикетти) // Экономическая политика. Т. 11. № 4. С. 153–195.
- Мэддисон А. (2012) Контуры мировой экономики в 1 – 2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара.
- Наим М. (2016) Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: АСТ.
- Нуреев Р.М. Латов Ю.В. (2016) Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС.
- Пикетти Т. (2016) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Пирсон Т. (2019) Конец работы. Куда исчезнут офисы и как подготовиться к изменениям. М.: Эксмо.
- Плискевич Н.М. (2008) Система “власть – собственность” в современной России // Вопросы экономики. №5. С. 119–126.
- Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”.
- Саррацин Т. (2015) Европе не нужен евро. М.: АСТ.
- Силаев Н.Ю., Болгова И.В. (2019) Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? // Сравнительная политика. Т. 10. №4. С. 133–154.
- Срничек Н., Уильямс А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka-Press.
- Стедмен-Джоунз Д. (2017) Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. М.; Челябинск: Социум.
- Стиглиц Дж. (2016) Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.
- Стиглиц Дж. (2011) Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Флигстин Н. (2013) Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XX века. М.: ИД ВШЭ.
- Флорида Р. (2011) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: ИД “Классика XXI”.
- Хайек Ф.А. фон. (1992) Дорога к рабству. М.: Экономика.
- Wittfogel K. A. (1957) Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale Univ. Press.

REFERENCES

- Atkinson E. (2018) *Neravenstvo: kak s nim byt'?* [Inequality: How to Deal with It?]. Moscow: ID “Delo” RANHiGS.
- Bessonova O.E. (2006) *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [Handout economy of Russia: evolution through transformation]. Moscow: ROSSPEN.
- Boltanski L., Chiapello E. (2011) *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Bolz N. (2019). *Razmyshleniya o neravenstve. Anti-Russo* [Reflections on Inequality. Anti-Russo]. Moscow: ID HSE.
- Crouch C. (2016) *Kak sdelat' kapitalizm priyemlyemym dlya obshchestva* [How to Make Capitalism Acceptable to Society]. Moscow: ID HSE.

- Crouch C. (2010) *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Moscow: ID GU-HSE.
- Crouch C. (2012) *Strannaya ne-smert' neoliberalizma* [The Strange Non-Death of the Neoliberalism]. Moscow: ID "Delo" RANHiGS.
- Fligstin N. (2013) *Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshchestv XX veka* [Market Architecture: Economic Sociology of Capitalist Societies of the Twentieth Century]. Moscow: ID HSE.
- Florida R. (2011) *Kreativnyy klass: lyudi, kotoryye menyayut budushcheye* [Creative Class: People Who Are Changing the Future]. Moscow: ID "Klassika KHKHI".
- Hayek F.A. von (1992) *Doroga k rabstvu* [The Road to Selfdom]. Moscow: Ekonomika.
- Kordonskiy S.G. (2007) *Resursnoye gosudarstvo* [The Resource State]. Moscow: REGNUM.
- Krugman P. (2009) *Kredo liberala* [The Credo of Liberal]. Moscow: Yevropa.
- Krugman P. (2004) *Velikaya lozh'. Sblivayas' s puti na rubezhe novogo veka* [Great Lie. Straying at the Turn of the Century]. Moscow: AST.
- Lenin V.I. *Grozyashchaya katastrofa i kak s ney borot'sya* [A Threatening Disaster and How to Deal with It]. Lenin V.I. Poln. sobr. soch., v. 34, pp. 150–199.
- Maddison A. (2012) *Kontury mirovoy ekonomiki v 1 – 2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoy istorii* [The Contours of the World Economy in 1–2030. Essays on Macroeconomic History]. Moscow: Izd. Instituta Gaydara.
- McCloskey D. (2016) Izmerennyy, bezmernyy, preuvelichennyy i bezosnovatel'nyy pessimizm (O knige "Kapital v XXI veke" Toma Piketty) [Measured, immeasurable, exaggerated and baseless pessimism (On the book "Capital in the XXI Century" by Thomas Piketty)]. *Ekonomicheskaya politika*, t. 11, no. 4, pp. 153–195.
- Naim M. (2016) *Konets vlasti. Ot zalov zasedaniy do poley srazheniy, ot tserkvi do gosudarstva. Pochemu vpravlyat' segodnya nuzhno inache* [The End of Power. From Boardrooms to Battlefields, from Church to State. Why It Is Necessary to Correct Today Another]. Moscow: AST.
- Nureyev R.M., Latov Yu.V. (2016) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institutsional'nogo analiza)* [The Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis)]. Moscow: KNORUS.
- Pearson T. (2019) *Konets raboty. Kuda ischeznut ofisy i kak podgotovit'sya k izmeneniyam* [The End of the Work. Where Offices Will Disappear and How to Prepare for Changes]. Moscow: Eksmo.
- Piketty T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st Century]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Pliskevich N.M. (2008) Sistema "vlast' – sobstvennost'" v sovremennoy Rossii [The System "Power – Property" in Modern Russia]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 119–126.
- Popper K. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi. V 2 t.* [Open society and its enemies. In 2 vols.] Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa".
- Sarratsin T. (2015) *Evrope ne nuzhen evro* [Europe Does Not Need the Euro]. Moscow: AST.
- Silayev N.Yu., Bolgova I.V. (2019) Naprasnyye voyny: rabotayet li model' Tilly na postsovetском prostranstve? [Vain Wars: Does the Tilly Model Work in the Post-Soviet Space?]. *Sravnitel'naya politika*, v. 10, no. 4, pp. 133–154.
- Srnichek N., Williams A. (2019) *Izobretaya budushcheye: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Post-Capitalism and a World without Labor]. Moscow: Strelka-Press.
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [Precariat: a new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Steadman-Jones D. (2017) *Rozhdeniye neoliberal'noy politiki: ot Khayyeka i Fridmena do Reygana i Tetchera* [The Birth of Neoliberal Politics: from Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher]. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium.
- Stiglitz J. (2011) *Krutoye pike: Amerika i novyy ekonomicheskii poryadok posle global'nogo krizisa* [Steep Dive: America and the New Economic Order after the Global Crisis]. Moscow: Eksmo.
- Stiglitz J. (2016) *Velikoye razdeleniye. Neravenstvo v obshchestve, ili Chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya?* [Great Separation. Inequality in Society, or What Do the Remaining 99% of the Population Do?]. Moscow: Eksmo.
- Wittfogel K.A. (1957) *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven; London: Yale Univ. Press.